

Водно-энергетическая проблема Центральной Азии и политика России

Автор: В. Парамонов

В последние годы Россия вольно или невольно оказалась вовлечена в решение крайне сложной и болезненной для Центральной Азии водно-энергетической проблемы, в центре которой сегодня находятся вопросы строительства при российском финансовом и ином участии крупных гидроэлектростанций (ГЭС) в Кыргызстане и Таджикистане. И если ранее данная проблема носила для Москвы несколько абстрактный характер, то по мере согласования позиций и достижения договоренностей с Бишкеком и Душанбе о строительстве крупных ГЭС (в случае с Кыргызстаном – еще и о выделении беспрецедентного кредита в размере 2 млрд. долларов на реализацию проекта каскада Камбаратинских ГЭС) Россия оказалась мягко говоря глубоко увязшей в трясине региональных водно-энергетических и тесно связанных с ними иных проблем и противоречий.

Наиболее показательным в данном плане стало резкое обострение российско-таджикских отношений в январе-феврале 2009 года. Поводом этому послужило то, что в ходе пресс-конференции по результатам визита президента России Д.А.Медведева в Узбекистан им было озвучено мнение о необходимости учета странами региона интересов друг друга при решении водно-энергетической проблемы. Это заявление вызвало политико-дипломатический демарш и шквал публикаций со стороны Таджикистана, где в словах Д.А.Медведева усмотрели отход России от ранее достигнутых договоренностей. И хотя на сегодняшний момент этот инцидент кажется исчерпанным, тем не менее, он наглядно иллюстрирует ту крайне сложную ситуацию, заложницей которой стала Москва.

Поэтому, в отсутствии четкого понимания глубинной сути водно-энергетической проблемы, а также своих роли и места в ее возникновении, обострении и решении, России предопределено оставаться в плену противоречивых, краткосрочных, узко-корпоративных и узко-национальных интересов, а в итоге – все больше вовлекаться в ненужную и где-то даже навязываемую ей игру, впустую тратить свои и так ограниченные политические, экономические и иные ресурсы. Более того, в этих условиях Россия не увидит очевидного и самого главного: системное и комплексное решение той же водно-энергетической проблемы, равно как и многих других проблем, возникших в результате распада СССР, возможно лишь посредством форсирования процесса региональной экономической интеграции. Это, в свою очередь, требует от Москвы выработки новой стратегии как на глобальном, так и на региональном уровнях, в том числе в Центральной Азии и на постсоветском пространстве в целом.

Как представляется, вне этой логики – вне логики выработки Россией более долгосрочного и стратегически выверенного алгоритма поведения не будет возможным эффективное решение любой более-менее сложной проблемы на постсоветском пространстве. Наоборот, проблемы будут лишь множиться и обостряться. Водно-энергетическая проблема – лишь один из многих наглядных тому примеров ...

Почему в советский период водно-энергетической проблемы не было?

В советское время водно-энергетическая проблема не обозначалась. В период СССР существовала отработанная в течение десятилетий схема взаимобмена энергетическими ресурсами (нефтью, газом, углем, мазутом, электроэнергией) между Россией и республиками Центральной Азии (тогда регион назывался «Средняя Азия и Казахстан»). Ее суть заключалась в рациональном и взаимовыгодном обмене гидроэнергетических (возобновляемых) ресурсов Кыргызстана и Таджикистана (контролируют верхнее течение рек региона) на топливные (невозобновляемые) ресурсы других республик-участниц вышеуказанной схемы.

С одной стороны, в зимнее время в Кыргызстан и Таджикистан поставлялись туркмено-узбекский газ, казахстанский уголь, российский мазут, другие виды топлива в объемах, достаточных для выработки электроэнергии на тепловых электростанциях этих республик, а также для отопления их населенных пунктов. В свою очередь, Кыргызстан и Таджикистан значительно сокращали выработку электроэнергии на своих гидроэлектростанциях и ставили водохранилища в режим накопления воды. Так в 1990 году в Таджикистан было поставлено примерно 5 млрд. кубических метров газа (примерно 6,2% от туркмено-узбекского газового экспорта), а в Кыргызстан – около 3,6 млрд. кубических метров газа (4,5% туркмено-узбекского газового экспорта).

С другой стороны, в летнее время поставки природного газа, а также угля и мазута в Кыргызстан и Таджикистан значительно сокращались. В свою очередь, эти республики переводили свои водохранилища в режим максимального сброса воды. Вырабатываемой на гидроэлектростанциях электроэнергии хватало и на собственные нужды и на поставки в Узбекистан, Туркменистан, ряд областей Казахстана и даже России. Параллельно с этим, Узбекистан, Туркменистан и ряд областей Казахстана (Южно-Казахстанская и Кызылординская) получали из Кыргызстана и Таджикистана воду, подавляющая часть которой шла для сельскохозяйственных нужд.

В целом, отсутствие водно-энергетической проблемы в период существования СССР было возможно лишь при наличии эффективной схемы обмена энергоресурсами и в условиях структурно-экономической взаимозависимости в системе «Россия – Центральная Азия».

Как возникла водно-энергетическая проблема?

После распада СССР и в условиях политики ельцинской России по «освобождению от груза национальных республик», отлаженная в течение нескольких десятилетий схема энергетического обмена была разрушена: Россия, Туркменистан и в какой-то степени Казахстан перестали быть ее важными составными частями. Отношения стали строиться исключительно на коммерческой основе. Главные же негативные последствия, возникшие в результате разрушения прежней схемы энергетического обмена, достались прежде всего Узбекистану, Кыргызстану и Таджикистану, что в итоге и заложило основы водно-энергетической проблемы. Кыргызстан и Таджикистан стали первыми ее жертвами, а Узбекистан начал нести основную нагрузку по поддержанию энергетической безопасности двух своих соседей.

Во-первых, поставки природного газа в Кыргызстан и Таджикистан в настоящее время осуществляются только Узбекистаном. С учетом исключения туркменского газа из топливного

баланса Кыргызстана и Таджикистана объемы поставляемого в данные страны «голубого топлива» уменьшились почти на порядок по сравнению с советским временем.

Во-вторых, поставки всех видов невозобновляемых энергоресурсов в Кыргызстан и Таджикистан сегодня осуществляются не на системной и долгосрочной основе (как это было ранее), а на краткосрочной (ежегодной/коммерческой), что само по себе уже является фактором негативно влияющим на построение прогнозируемых и взаимовыгодных отношений в Центральной Азии.

В-третьих, хотя поставки узбекского «голубого топлива» играют жизненно-важную роль в энергетическом обеспечении Кыргызстана и Таджикистана в зимний период, однако узбекско-кыргызские и узбекско-таджикские переговоры зачастую носят сложный характер: Бишкек и Душанбе традиционно испытывают острый дефицит валюты для своевременной оплаты узбекского газа. Из-за частых задержек платежей Узбекистан, в свою очередь, нередко приостанавливает поставки «голубого топлива».

В целом, учитывая то, что помимо гидроэнергетических ресурсов Кыргызстан и Таджикистан по большому счету не располагают иными энергоресурсами, сложившаяся в регионе после распада СССР «схема» энергетического обмена периодически ставит их на грань «энергетического голода» и перманентного экономического кризиса. Это вынуждает Бишкек и Душанбе использовать воду для выработки электроэнергии и в зимнее время, а также рассматривать водные ресурсы в качестве товара и продвигать планы строительства новых крупных гидроэнергетических объектов на своей территории. Так, собственно, постепенно возникла и стала обостряться водно-энергетическая проблема.

В чем суть водно-энергетических противоречий?

Так как существовавшая в период СССР схема энергетического обмена разрушена, последствия этого проявляются особо негативно для Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана, что не только осложняет двусторонние отношения и региональное сотрудничество, но и напрямую угрожает дестабилизацией всей Центральной Азии.

Во-первых, следствием выработки Кыргызстаном и Таджикистаном электроэнергии в зимнее время является периодическое затопление в зимний период части сельскохозяйственных угодий в Узбекистане, Южно-Казахстанской и Кызылординской областях Казахстана, ряде районов Туркменистана. Помимо этого в летний период наблюдается дефицит воды для сельскохозяйственных нужд (особенно в засушливые и маловодные годы). Все это приводит не только к экономическим потерям, но и к периодическому осложнению межгосударственных отношений. По оценкам отдельных экспертов, ежегодный совокупный экономический ущерб центральноазиатским странам от затопления сельскохозяйственных угодий в зимнее время и дефицита воды в летнее время составляет порядка 770 млн. долларов США. И это, скорее всего, самые минимальные потери.

Во-вторых, Таджикистан и Кыргызстан из-за дефицита валюты зачастую предлагают в качестве платы за узбекский газ либо бартерные схемы взаиморасчетов, либо настаивают на том, чтобы Узбекистан и Казахстан платили за воду (а именно – за ее нормированную подачу как в зимнее так, и особенно в летнее время). Узбекистан, в свою очередь, настаивает на том, что согласно международной практике, вода трансграничных рек является не экономическим, а природным

ресурсом. Причем один из главных аргументов Узбекистана заключается в том, что вода в реках – это ресурс, возобновляемый самой природой без каких-либо финансовых затрат, в то время как природный газ — невозобновляемый ресурс, добыча которого сопряжена с финансовыми затратами.

В-третьих, и это, пожалуй, самое главное, в будущем Кыргызстан и Таджикистан намерены при поддержке России кардинально увеличить производство электроэнергии за счет возведения на своей территории новых крупных ГЭС. В случае же односторонних действий Бишкека и Душанбе это может привести к катастрофическим последствиям для всей Центральной Азии: вплоть до экологической катастрофы и дестабилизации региона.

В целом, та сложная ситуация, в которой оказались по объективным и субъективным причинам Кыргызстан и Таджикистан, находит понимание как в Узбекистане, так и других странах региона. Однако, Ташкент выступает именно против односторонних действий Бишкека и Душанбе, а также за проведение международной экспертизы всех крупных гидроэнергетических проектов, тем самым, по сути, отстаивая общерегиональные интересы и приоритеты развития. Данная позиция в целом поддерживается Казахстаном и Туркменистаном. В какой-то степени и Кыргызстан уже выразил готовность понять позицию Узбекистана, дав в январе 2010 года предварительное согласие провести необходимую международную экспертизу проекта строительства каскада Камбаратинских ГЭС.

Вместо заключения: роль и место России в решении водно-энергетической проблемы

Как представляется, фундаментальные причины возникновения и обострения водно-энергетической проблемы заключаются в том, что с распадом Советского Союза исчезла налаженная схема энергетического обмена и была ликвидирована вся система организации экономической деятельности на территории бывшего СССР, а ничего принципиально нового взамен этого до сих пор создано так и не было. При этом, очевидно, что новая формула водно-энергетических отношений не будет эффективной на основе принципов извлечения максимальной коммерческой выгоды и продвижения узко-национальных интересов: подобные подходы будут вести лишь к обострению не только самой водно-энергетической проблемы, но и многих других проблем. Что же в этих условиях делать России?

Во-первых, России необходимо развивать аналитику по Центральной Азии, пытаться выработать концептуальное видение ситуации в регионе и собственно водно-энергетической проблемы. Тем более, что в широком политико-экономическом контексте вопрос строительства тех же крупных ГЭС в Кыргызстане и Таджикистане становится все больше «завязан» на целый ряд других принципиально важных вопросов и проблем на повестке дня развития всей Центральной Азии и смежных пространств, политики в регионе со стороны различных центров силы.

Во-вторых, России необходимо искать новые схемы и формы именно многостороннего сотрудничества, по крайней мере, между основными «фигурантами» водно-энергетических противоречий, в первую очередь, Узбекистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном. При этом, важно использовать пока невостребованный переговорный потенциал двух других стран региона – Казахстана и Туркменистана, тем более, что именно они в советское время были гармонично встроены в региональную схему энергетического обмена, а в настоящее время из нее практически «выпали». Представляется, что и Астана, и Ашгабат могли бы внести на порядок больший вклад в

решение водно-энергетической проблемы, в том числе в плане поддержания энергетической безопасности Кыргызстана и Таджикистана. Не менее важным для России с точки зрения задачи активизации многостороннего сотрудничества является усиление аналитического сопровождения деятельности ЕврАзЭС, СНГ, ШОС, ОДКБ, в целом организация межгосударственных программ комплексных аналитических исследований по ключевым вопросам взаимодействия на постсоветском пространстве, в том числе и по водно-энергетической тематике, откровенное обсуждение в политических и экспертных кругах результатов этих исследований.

В-третьих, России необходимо всемерно помогать Кыргызстану и Таджикистану удовлетворять свои энергетические потребности за счет реализации добычных проектов в нефтегазовой отрасли данных стран, а также в плане восстановления/строительства малых ГЭС и в целом использования возобновляемых источников энергии. Безусловно, что данное стремление Москвы должно находить соответствующий отклик в столицах самих стран Центральной Азии, в первую очередь в Душанбе и Бишкеке. В частности, Кыргызстан и Таджикистан должны предоставить России все необходимые условия для реализации проектов по вышеобозначенным направлениям: начиная с целевого использования предоставляемых Россией средств и заканчивая передачей контрольных пакетов акций соответствующих энергетических объектов, возведенных с российским участием.

В целом же, главным гарантом успешного решения водно-энергетической проблемы и многих других проблем, появившихся в результате распада СССР, может быть только региональная экономическая интеграция. В противном случае, проблемы Центральной Азии, в том числе водно-энергетическая, с высокой долей вероятности будут только обостряться. Мировой финансово-экономический кризис может стать лишь катализатором этого. Поэтому до тех пор, пока региональная экономическая интеграция не стала главным смыслом для самой России, изложенные выше меры будут оставаться точечными и несистемными, идти в разрез с основными тенденциями и соответственно наиболее вероятными сценариями развития всего постсоветского пространства ...

Информация об авторе

Парамонов Владимир Владимирович, кандидат политических наук, независимый аналитик, г. Ташкент, Узбекистан. Ранее работал в качестве научного, старшего научного сотрудника, заведующего сектором «США и Европа» Института стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан, руководителя Центра системных исследований, лектора Высшей школы стратегического анализа и прогнозирования Республики Узбекистан, главного научного сотрудника / координатора исследований Центра экономических исследований при службе государственного советника Президента Республики Узбекистан по вопросам социально-экономической политики. Защитил кандидатскую диссертацию по теме «Геостратегия США в Центральной Азии». Проходил научно-исследовательские стажировки в ряде зарубежных университетов, в том числе Университете Джорджии (США), Университете Джонса Хопкинса (США), Университете Вулверхемптона (Великобритания), Университете Оксфорда (Великобритания), Университете Лондона (Великобритания). Автор и соавтор более 100 публикаций по вопросам стратегии США, РФ и КНР в Центральной Азии (аспекты внешней политики, экономики, безопасности, энергетики, институционального сотрудничества), российско-китайских отношений, информационно-аналитической работы, а также книг «Россия и Китай в

Центральной Азии: политика, экономика, безопасность» (г.Бишкек, 2008 год), «Россия в Центральной Азии: политика, экономика и безопасность» (Нью-Йорк, 2009 год).